

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-340-352>

Научная статья / Research article

Легитимация власти российского монарха над Сибирью и ее народами в конце XVI – начале XVIII в.

А.С. Зуев^а, В.А. Слугина^б

^аНовосибирский государственный университет,
630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1,
zuev.nsu@gmail.com

^бИнститут истории СО РАН,
630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
slugina881@gmail.com

Аннотация: В контексте изучения русской политической культуры конца XVI – начала XVIII в. раскрывается вопрос о приемах политического обоснования правомерности власти российского монарха над обширными территориями Сибири, включенными в состав Российского государства. Авторы статьи, проанализировав информацию из летописей, посольских и делопроизводственных документов, впервые в историографии выявили и систематизировали основные политико-идеологические и правовые аргументы, которые наиболее часто применяло российское правительство в целях легитимации власти российского монарха над Сибирью и ее народами. Аргументы классифицированы на внешнеполитические, адресованные главам иностранных государств, и внутривнутриполитические, предназначавшиеся сибирским народам и русским людям. Установлено, что к внешнеполитическим аргументам относились обоснования легитимности московских царей через упоминание «давности» и «прочности» включения сибирских территорий в сферу российского влияния (при этом дипломаты умалчивали факты сопротивления местного населения). Внутривнутриполитическая коммуникация с народами Сибири строилась на объявлении коренным жителям права царя владеть Сибирской землей как вотчиной и управлять сибирскими народами как «государевыми холопами». Русские люди (комбатанты и колонисты) также усваивали указанные аргументы, дополняя их религиозно-политическими представлениями о «богоизбранности» царской власти. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что набор и механизмы трансляции аргументов, обосновывавших легитимность российского монарха как правителя, обладавшего всеми правами на владение Сибирью, серьезно отличались в зависимости от адресатов-контрагентов, однако содержание этих аргументов-обоснований во многом совпадало.

Ключевые слова: легитимация, царь, монархия, сибирские народы, Российское государство, политическая коммуникация

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60006.

Для цитирования: Зуев А.С., Слугина В.А. Легитимация власти российского монарха над Сибирью и ее народами в конце XVI – начале XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 340–352. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-340-352>

© Зуев А.С., Слугина В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The legitimacy of Tsarist authority over the peoples of Siberia in the late 16th to early 18th centuries

Andrey S. Zuev^a, Viktoriya A. Slugina^b

^aNovosibirsk State University,
1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
zuev.nsu@gmail.com

^bInstitute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
slugina881@gmail.com

Abstract: The article studies the methods that substantiated the legitimacy of the power of the Russian monarch over the vast territories of Siberia. The context of this study is the Russian political culture of the late 16th to early 18th centuries. Based on information from chronicles as well as diplomatic and administrative documents, the authors identify and systematize the main political, ideological, and legal arguments that were most often used by the Russian government to justify the Tsars' rule over Siberia. The arguments can be divided into two groups according to the target audience: the first group was intended for conversation with the heads of foreign countries, the second one addressed the Siberian peoples and also the Russian people broadly. In foreign policy, the representatives of the Moscow Tsar emphasized the “antiquity” and the “strength” of the bond between these territories and the Russian state. The diplomats tended to exaggerate the scale of the Russian military, socio-economic, political, and cultural (religious) development of the new territories. At the same time, they were silent about the resistance of the local population to the tsarist servicemen. At home the authorities applied other legal arguments to bolster their legitimacy. In interaction with indigenous populations, the Russian governors and service people usually forced the communities (in the form of an ultimatum) to accept the claim that the Tsar owned the Siberian lands as a fiefdom. With this the socio-political status of the Siberian peoples radically changed: they became subjects to the Russian Tsar, as kholops or yasak-payers. The Russian combatants and colonists, in direct contact with the indigenous population, informed the Siberian peoples about recent government directives and fully identified with the official claim to authority. In the eyes of the Russian population, an additional element was the religious and political idea that the Tsar had been chosen by God, from which followed the duty to expand the Russian Orthodox tsardom.

Keywords: legitimization, tsar, monarchy, Siberian peoples, Russian state, political communication

Acknowledgements and Funding: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-39-60006.

For citation: Zuev, Andrey S., and Slugina, Viktoriya A. “The legitimacy of Tsarist authority over the peoples of Siberia in the late 16th to early 18th centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 340–352. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-340-352>

Введение

Российская экспансия на восток, начавшаяся во второй половине XVI в., привела к превращению преимущественно моноэтнического (русского) Московского княжества в полиэтническую Российскую империю. Ключевую роль в этом процессе сыграло включение в состав России Сибири – обширных североазиатских территорий от Урала до Тихого океана¹. Благодаря «взятию» Сибири Россия стала одним из самых больших государств в мире, существенно усилила свое внутреннее разнообразие – этническое, культурное, религиозное, социальное, экономическое, усложнилось ее внутригосударственное устройство.

При всей детальности проработки истории «сибирского взятия» за пределами исторических исследований осталось рассмотрение процесса российской экспансии в

¹ Именно в таких территориальных рамках – на уровне ментальной географии и административно-территориального деления – понималась Сибирь в русском дискурсе до второй половины XIX в., когда из нее был выделен Дальний Восток как особый географический образ.

Сибирь в контексте публичной политики соответствующей эпохи. Историки, следуя за логикой делопроизводственных документов, рассматривали политику в отношении сибирских территорий как набор или последовательность конкретных тактических распоряжений центральной власти, направленных воеводам для реализации на местах. Они в целом не принимали во внимание тот факт, что сами заказчики и исполнители политических решений обладали рефлексией по отношению к правомочности российского присутствия в Сибири. Как следствие в историографии остаются нераскрытыми роль и значение политической коммуникации, публичной риторики центральной власти и служилой бюрократии, конструируемой вокруг «сибирского взятия». Нарративы-объяснения правомочности российского монарха на управление Сибирью, выработанные центральной властью, специально не выделялись из огромного массива дошедших до нас делопроизводственных и актовых источников.

В данной статье внимание будет сосредоточено на выявлении и анализе аргументов, которые применялись российской властью в конце XVI – начале XVIII в. для легитимации (общественного признания законности) власти русского царя над народами и территориями Сибири. Эти аргументы посредством нормативно-распорядительных документов и летописных текстов распространялись внутри государства и транслировались вовне, превращаясь в устойчивые штампы. Легитимация как юридическое понятие включает в себя большой набор культурных, политических и правовых компонентов и задействует разнообразные формы репрезентации власти². Мы же сконцентрируемся на рассмотрении только тех элементов и задействованных механизмов легитимации, которые включались в разнообразные коммуникативные каналы и публично транслировались в письменной или устной форме. Представители властной элиты Российского государства были включены в системы внешне- и внутриполитических межэтнических коммуникативных взаимодействий, в ходе осуществления которых было необходимо идейно обосновывать правомерность инкорпорации уральских и сибирских территорий в состав Российского государства.

Адресатов (реципиентов) транслируемых аргументов, исходя из характера их политического взаимодействия с Российским государством, можно разделить на три основные группы.

Первая группа: правители иностранных государств, на суверенитет которых Российское государство не покушалось и с которыми находилось в дипломатических отношениях.

Вторая группа: народы, обитавшие в Сибири и на ее южных границах. Это те народы, которые в рассматриваемое время либо были подчинены российской власти, либо российская власть желала их подчинить. В документах того времени все они номинировались иноземцами³.

Третья группа: русские – все русские люди, которые подчиняли и осваивали Сибирь, выступая в роли комбатантов и колонистов. Особо оговорим, что термин «русские» мы используем не в качестве этнонима, а в качестве политонима. Этнический состав государевых служилых людей, покорявших Сибирь, был весьма разнообразным, среди них были не только собственно русские, но и представители народов Поволжья, Урала, Сибири, а также выходцы из стран Европы. Однако факт нахождения на службе русскому/российскому царю и/или принадлежности к пра-

² Мясников С.А. Легитимация и обоснование политики: Анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. 2019. № 3. С. 222–235. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>

³ Иноземцами русские в XVII в. называли жителей «иных (нерусских или изначально не русских) земель», применительно к Сибири – коренных жителей.

вославленной вере означали в те времена включенность в социально-политическое общество тех, кто непосредственно ассоциировался с русской/российской властью и, соответственно, кардинально отличался от тех, кто к этому сообществу не принадлежал, в нашем случае – от сибирских иноземцев.

Политико-идеологическое обоснование прав российского монарха на владение территориями Сибири. Адресат – правители иностранных государств

В политико-идеологическом дискурсе российской власти право на владение Сибирью стало озвучиваться задолго до появления там постоянных русских поселений и русского населения. Установление при великих князьях Иване III и Василии III, а затем при царе Иване IV протекторатно-даннических отношений с рядом остяжских и вогульских вождей дало основание российским монархам «присвоить» их земли себе. Одним из способов обеспечения номинального присвоения зауральских территорий было включение их наименований в великокняжеский, а затем и в царский полный титул⁴.

В 1555–1558 гг. соправители Сибирского юрта Едигер и Булат признали Ивана IV своим протектором, обязались ему служить и выплачивать дань⁵, и уже в 1556 г. в царский титул был включен оборот «вся Сибирские <...> страны повелитель». В конце 1550-х – начале 1570-х гг. сибирская часть царского титула включала следующие компоненты: «великий князь <...> югорский, <...> обдорский, кондинский и все Сибирские земли <...> повелитель»⁶.

На рубеже 1560-х – 1570-х гг. протекторатно-данническую модель взаимоотношений русская сторона пыталась выстроить и с новым правителем Сибирского юрта – Кучумом. Москва призывала его подтвердить политическую зависимость Сибирского юрта от Российского царства. Несмотря на то, что эта попытка была unsuccessful – в 1573 г. Кучум восстановил свой суверенитет, отказавшись выплачивать дань царю, – Иван IV продолжал считать Сибирский юрт подвластной ему территорией, о чем свидетельствует использование в его титулатуре оборота «Сибирские земли повелитель»⁷.

После похода в Сибирь в 1581 (или 1582) – 1584 гг. вольных казаков во главе с Ермаком, разгромивших Сибирский юрт, московская дипломатия аргументировала «законность» русского вторжения в Сибирь необходимостью наказать Кучума, который вышел из повиновения своему сюзерену – русскому царю. Кроме того, Москва по дипломатическим каналам известила иностранных правителей, что Сибирь, издавна являвшаяся вотчиной российских монархов, перешла под прямое управление государя «вся Руси» и все местные народы исправно платят ему нало-

⁴ См. об этом: Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017. С. 131–132.

⁵ См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1904. Т. 13. С. 248, 276, 285, 313, 370; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2. // Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. ИРИО). СПб., 1887. Т. 59. С. 479–480; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 204–205.

⁶ См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (СГГД). М., 1819. Ч. 2. С. 63–65; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. // Сб. ИРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 724; Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 687, 689, 695, 697, 698, 724, 726, 728.

⁷ Формулировки полного царского титула 1570-х гг. см.: Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 730, 736, 737, 738, 739, 749.

ги – «дань»⁸. Иными словами, в коммуникации с иностранными государствами факт завоевания Сибирского юрта интерпретировался представителями российской политической элиты того времени как справедливое «возвращение» наследственной вотчины князей Рюриковичей (начиная с Ивана III). Подобные апелляции к «давности» владения Рюриковичами определенными территориями и указание на законность возвращения этих территорий российская сторона использовала не впервые. Аналогичная аргументация применялась для обоснования подчинения Новгорода, захвата бывших древнерусских земель у Великого княжества Литовского, завоевания Казанского и Астраханского ханств, а также попытки овладения землями Ливонского ордена.

Территориальный «сибирский» компонент оперативно был включен в русские дипломатические документы. Иностранному контрагенту с конца XVI в. неизменно транслировалось утверждение, что Сибирь является составной частью Российского государства и, соответственно, находится во владении российских монархов. При этом в нарративах внешнеполитической документации конца XVI – начала XVII в. прослеживается устойчивый набор положений, обосновывавший правомерность экспансии Российского государства в Сибирь. Российская сторона извещала иностранных правителей:

– о ведущей роли Российского государства в организации военного похода на Сибирский юрт (роль казаков Ермака во «взятии Сибири» преуменьшалась либо замалчивалась);

– о значительных (сильно преувеличенных) успехах русской колонизации Сибири – строительстве большого числа городов, экономическом освоении территории, наличии русского населения и государственного управления;

– о политических и экономических перспективах, полученных Российским государством благодаря новым территориям, граничащим с богатым Китаем;

– о лояльности сибирских народов российской власти и распространении среди них христианства (при этом факты сопротивления с их стороны умалчивались)⁹.

Перечисление достижений российской власти на новых территориях явно было направлено на формирование позитивного представления о русской экспансии и прочности русского присутствия в Сибири, на репрезентацию российского монарха как сильного и могущественного правителя – «царя царей», которому под-

⁸ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 922; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. 1: 1556–1586 гг. // Сб. ИРИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 414; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 46.

⁹ См.: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. Стб. 939, 1042–1043, 1121–1122; 1852; СПб., 1852. Т. 2. Стб. 292, 364, 466, 989; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. 1. С. 414–415; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1. С. 94; 1892. Т. 2. С. 51; 1898. Т. 3. С. 226, 352; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 4 // Сб. ИРИО. М., 1912. Т. 137. С. 417; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 5: 1609–1615 гг. // Сб. ИРИО. М., 1913. Т. 142. С. 339, 526; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. 2 (С 1581 по 1604 год) // Сб. ИРИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 297; Посольская книга по связям России с Англией. 1613–1614 гг. М., 1979. С. 130, 131; Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 65, 66; *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 27, 98, 341; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь... М., 1972. С. 47–48, 51. См. также: *Игнаткин П.С.* Официальный образ Сибири в Московском государстве конца XVI – начала XVII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1: История. С. 99–103; *Рябина Е.А.* Внешняя политика Кучума-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011. С. 90–92.

чиняются все новые и новые правители и народы. Такая репрезентация амбиций, полномочий и могущества русского царя в соответствии с европейской политической культурой того времени уравнивала его статус с императорским, что в свою очередь маркировало Российское государство как «настоящее» царство – империю, которая, исполняя «божественный замысел», расширяет свою территорию и увеличивает число подданных.

В 1599 г. (после гибели в 1598 г. сибирского хана Кучума) в полную титулатуру российского монарха был включен титул «царь сибирский», который окончательно утвердился уже в титулатуре монархов династии Романовых¹⁰. Тем самым фиксировалась незыблемость прав русского царя на владение Сибирью.

К концу первой четверти XVII в. в русской дипломатической документации упоминаний «сибирских сюжетов» стало значительно меньше, а сама аргументация законности российского монарха на владение и управление новыми территориями была скорректирована. Русское движение «встреч солнцу» уже вышло за пределы бывшего Сибирского юрта, и, соответственно, апелляции к «наследию Рюриковичей» в качестве объяснения легитимности включения новых территорий в состав Российского государства стало недостаточно. Политические элиты того времени прекрасно понимали, что эти новые сибирские территории никогда не являлись «вотчинами» династии Рюриковичей, а обитавшие на них народы никогда не признавали власть российских монархов над ними.

В связи с этим во внешнеполитической документации XVII в. при опоре на логику апелляции к «давности» русского присутствия на сибирских территориях (идейно близкую к аргументации, применявшейся московскими правителями в XV–XVI вв. при «собрании русских земель») акцент стал делаться на давность и неизменность обложения народов Сибири данью-ясаком в пользу царской казны. Этот аргумент – давность и неизменность статуса сибирских иноземцев как ясачных людей – подданных русского царя – особенно активно озвучивался российской дипломатией главам кочевых этнополитических объединений (калмыков, джунгаров, монголов), когда речь заходила о праве царя на владение южносибирскими землями и народами¹¹.

Политико-правовое обоснование включения народов Сибири в состав Российского государства. Адресат – народы Сибири

Иной набор аргументов российская власть предлагала сибирским народам. Русские служилые люди при общении с иноземцами, которые никогда не были под российской властью или перестали ей подчиняться, должны были призвать их «под высокую государеву руку» в «вечное холопство», т.е. в подданство царю, и огласить им государево жалованное слово (другие варианты – милостивое слово, царское жалованье, царская милость)¹².

¹⁰ Каишанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. С. 16–20; Пчелов Е.В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования. С. 14; Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 69–71.

¹¹ См., например: Русско-монгольские отношения (РМО). 1607–1636: Сб. док. М., 1959. С. 96–97; РМО. 1654–1685: Сб. док. М., 1996. С. 27, 47, 230, 231, 241, 279–280, 294, 295, 306, 307, 312, 381, 414; РМО. 1685–1691: Сб. док. М., 2000. С. 92, 105, 151, 212.

¹² См., например: Акты исторические (АИ). СПб., 1842. Т. 4. С. 72–74, 540; Дополнения к актам историческим (ДАИ). СПб., 1846. Т. 2. С. 256–257; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 411, 412, 418, 436; 2000. Т. 2. С. 193, 239; 2005. Т. 3. С. 130, 131, 176, 154–156, 159, 170, 176, 185, 186, 219, 224, 225, 258, 366; Памятники Сибирской истории XVIII века (ПСИ). СПб., 1882. Кн. 1. С. 232, 234–235; 1885. Кн. 2. С. 483, 507, 509, 510, 517, 526, 539.

Указания на необходимость приглашать сибирских иноземцев в подданство через оглашение специального текста – жалованного слова, написанного от имени царя, встречаются в документальных источниках с конца XVI в., однако в отчетной документации (в отписках воевод и служилых людей) содержится мало информации о собственно процедуре его декламации «на местах». Тем не менее, с большой долей уверенности можно полагать, что служилые люди все же разъясняли представителям потестарных элит сибирских народов условия предлагаемого им статуса «ясачных холопов» русского царя и использовали для этих объяснений положение жалованного слова.

С 1599 г. текст жалованного слова стал неотъемлемой частью наказов (инструкций), выдаваемых сибирским воеводам сначала Казанским, а затем Сибирским приказом при их вступлении в должность¹³.

В жалованном слове, адресованном сибирским иноземцам, излагались два генеральных взаимосвязанных положения. Во-первых, говорилось о том, что царь/великий государь разрешает иноземцам жить по-прежнему на их «родовых» землях и свободно заниматься хозяйственной деятельностью, жалует им свою милость, покровительство и защиту от обид со стороны русских людей и от нападений любых врагов, предоставляет им право подачи жалоб, обеспечивает праведный суд и отсутствие злоупотреблений при сборе ясака. Во-вторых, излагались обязанности иноземцев: сохранять верность, служить и платить ясак великому государю, извещать воевод о готовящихся или начавшихся антирусских восстаниях, ловить заговорщиков и изменников и передавать их служилым людям, содействовать приведению в российское подданство «немирных» иноземцев и расширению круга плательщиков ясака – ясачных людей. В случае правонарушений, отказа от уплаты ясака, измены, нападений на русских людей жалованное слово угрожало иноземцам «царским гневом» и «ратным боем». Реализацию на практике монарших благодеяний, контроль за иноземцами и их наказание за неисполнение обязательств должны были осуществлять местные русские администраторы – воеводы и приказчики¹⁴.

Следует заметить, что сочетание декларативной заботы монарха о сибирских иноземцах и обязанностей иноземцев в отношении монарха придавало жалованному слову видимость договора между монархом и его подданными об определенных взаимных обязательствах.

Иноземцы подтверждали свою лояльность российскому монарху через процедуру присяги – принесение (подтверждения) шерти. Понятие «шерть» попало в русский лексикон от татар, где оно изначально использовалось для наименования любых соглашений или обязательств между договаривающимися правителями.

¹³ О происхождении жалованного слова в наказах воеводам см.: *Слугина В.А., Конев А.Ю.* «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формулы // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 183–193.

¹⁴ См. тексты жалованных слов: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 52 об. – 55, 492 об. – 495, 502 об. – 503 об.; Оп. 3. Стб. 424. Л. 18–21; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 3. С. 97–98, 236–238, 338–339, 377–378, 534, 552–553, 566–567, 583–584; АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 218–219; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 300–301; Т. 4. С. 102–103, 155–156, 347–348; 1869. Т. 11. С. 69–70; Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. разд. V. С. 8–10, 12–14; Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 364–365; Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. (КПИМГЯ) Л., 1936. С. 74–75; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 389–390; Т. 2. С. 205–206; Т. 3. С. 268–269; Первое столетие сибирских городов. XVII в. Новосибирск, 1996. С. 130–131; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 182–183; *Баранович П.Н.* Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж.В. Кондыреву 31 января 1631 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 1: История. С. 93, 94.

К тюркоязычным народам Евразии это слово попало от арабов, в чьем языке имело значение «условие договора»¹⁵. В лексике русской делопроизводственной документации с конца XVI в. понятие «шерть» (и производное от него – «шертование») в отношении народов Сибири начинает использоваться именно для обозначения присяги – акта признания власти российского монарха и фиксации обязательств присягнувшего этому монарху.

Шертование практиковалось при приведении иноземцев в подданство царю и при подтверждении (продлонгации) ими своего статуса подданного. Приведение в подданство могло быть единоразовым, когда этнотерриториальное объединение сразу подчинялось российской власти, а могло быть неоднократным, когда иноземцев приводили к присяге после их «измен» и восстаний. Пролонгация подданства, и, соответственно, подтверждение шертных (присяжных) обязательств осуществлялись по указанию из Москвы в двух случаях: во-первых, когда на российский престол вступал новый монарх и иноземцы обязаны были дать ему присягу; во-вторых, когда происходила смена лиц, возглавлявших крупные военно-политические объединения иноземцев (эта практика имела место во взаимоотношениях России с кочевыми народами). Кроме того, центральная и местные власти апеллировали к шерти в упомянутых выше жалованных словах, а также в многочисленных практиках предупреждения и подавления вооруженных восстаний иноземцев: им напоминали об их обязанности верно служить российскому монарху.

Контрагентами присяги-шерти были собственно российский монарх и члены его семьи (мать, супруга, братья, сестры, дети), а содержание обязательств присягнувшего фиксировалось в специальном актовом документе – шертовальной записи, которую представители царской администрации (воеводы, приказчики и служилые люди) должны были так же, как и жалованное слово, оглашать представителям постарших элит сибирских народов устно. Исходными образцами для составления шертовальных записей народов Сибири являлись крестоцеловальные записи – тексты присяг, которые давали царю его православные подданные¹⁶.

Шертовальные записи, предназначавшиеся разным народам Сибири, были схожи по своей структуре и содержанию на протяжении всего XVII в. В них перечислялись следующие базовые обязательства, которые должны были выполнять иноземцы: хранить верность царю и его возможным наследникам, выполнять любую службу по приказу воевод, участвовать в военных действиях против врагов Российского государства, информировать местную администрацию о готовящихся заговорах и мятежах против русских, ловить преступников и изменников и передавать их воеводам, не воевать против русских, не покидать территорию своего проживания, а также пределы Российского государства. Уездные воеводы могли дополнять и конкретизировать статьи шертовальных записей в зависимости от контекста и обстоятельств их взаимоотношений с отдельным этносоциумом¹⁷.

¹⁵ Березжов М. Крымские шертные грамоты. Киев, 1894. С. 4; *Qafisheh Hamdi A.* NTC's Gulf Arabic-English Dictionary. Lincolnwood, IL, 1997. P. 352.

¹⁶ О происхождении, эволюции и политико-юридическом статусе шертования сибирских народов и сибирских шертовальных записей см.: Зуев А.С., Слугина В.А. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. № 3. С. 30–44; Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла... С. 194–292.

¹⁷ Тесты шертовальных записей см., например: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 133. Ч. 1. № 5. Л. 19–22; № 19. Л. 56–57; Ч. 3. № 225. Л. 117–118; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 106–110, 116–119, 130–133, 175–178; 191–194, 204–207, 231–238, 256–257; Стб. 328. Ч. 2. Л. 196–197; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21–22; Стб. 975. Л. 7–8; Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 510–511; Д. 19. Л. 172–172 об.; ПСЗРИ. Т. 3. С. 15–17; ПСИ. Кн. 1. С. 24–25; КПМГЯ. С. 10–11; РМО. 1607–1636. С. 200–201; РМО. 1636–1654: Сб. док. М., 1974. С. 407–408.

Большая часть базовых обязательств являлась идеализированным смыслообразующим описанием подданства монарху, благодаря чему присягнувший должен был понять свое место в политической системе и свою функциональную роль в ней, выраженную в понятии «верная служба». Именно поэтому обязательства, содержащиеся в текстах присяг иноземцев и связанные с «верной службой», почти полностью совпадают (очень часто дословно) со «служебными» обязательствами, которые перечислялись в текстах присяг (крестоцеловальных записей) русских православных людей своему монарху¹⁸. Это, кстати, свидетельствует о выработке российской властью в XVII в. базовых критериев подданства царю, общих для всего полиэтничного населения России¹⁹, а также о том, что власть стремилась внедрить в политико-правовые отношения с сибирскими народами свое представление о подданстве.

Конструирование политической лояльности населения Сибири, оформляемой шертями и подтверждаемой жалованными словами, имело важное, но все же второстепенное значение по сравнению с налогообложением. Многочисленные документы XVII в., прежде всего отчеты служилых людей о подчинении сибирских народов, свидетельствуют, что в случае успешного обложения иноземцев налогом-ясаком формальная процедура приведения их к присяге являлась необязательной. Поэтому следует оговорить, что обязательным элементом идентификации населения Сибири как подданных российского монарха являлось обложение их ясаком, которое в отдельных случаях заменялось несением постоянной военно-административной службы.

Объединяя положения жалованного слова и шертовальной записи, можно генерализировать следующие идеологемы-аргументы, предлагаемые иноземцам в качестве обоснования легитимности власти российского монарха над ними:

– территория проживания иноземцев, обложенных ясаком, является собственностью-вотчиной русского царя (в полном соответствии с российской моделью патримониального государства);

– проживание на «родовой» земле и хозяйственные занятия являются не свободным волеизъявлением и правом иноземцев, а «пожалованием» со стороны царя;

– иноземцы, признавшие власть царя, получают от него защиту, покровительство и заботу, и поэтому обязаны ему службой и уплатой налогов;

– подданство царю, выраженное в службе и уплате ясака, является вечным и неизменным, оно автоматически переходит к потомкам подданного и пролонгируется при вступлении на престол нового монарха с помощью жалованных слов и присяг-шертей;

– царь является верховным судьей, решающим любые конфликты и спорные дела.

Перечисленные аргументы легитимации подкреплялись трактовкой любых действий, которые могут нанести вред монарху и его государству, как нелегитимных – измены.

Политико-религиозное обоснование. Адресат – русские (православные) люди

Аргументы, адресованные иностранным правителям и сибирским народам, неизбежно доходили и до русских людей, которые (прежде всего комбатанты – служилые люди) являлись непосредственными передатчиками информации, исходящей от российского правительства посредством дипломатической и нормативно-распорядительной документации и предназначенной первой и второй группе адресата-

¹⁸ Тексты крестоцеловальных записей см., например: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 133. Ч. 1. № 4. Л. 15–18; № 19. Л. 56–57; Ч. 3. № 177. Л. 4–5 об.; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 55–59; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 12–20; Стб. 975. Л. 3–6; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 156 об. – 158; СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 421–422.

¹⁹ Kivelson V. Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom // *The Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 3. Pp. 465–489.

тов. Эти аргументы дополнялись представлением, сформировавшимся в русской политико-религиозной культуре, о закономерности и необходимости расширения Русского православного царства и территориальных пределов власти его правителя.

Представления о закономерности распространения православия на новые территории явно были артикулированы в сибирских летописях: «начашася в Сибирстей земли города и острожки ставити и великия места распространятися, и святыя Божия церкви воздвизатися, и православная христианская вера вкоренятися»²⁰; «аще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя»²¹, «и повсюду благодать излися божия»²². Сам успех похода Ермака в Сибирь летописцы связывали с божественным провидением и персоной государя: «Изволением всемилостиваго в Троицы славимаго бога и пречистыя его богоматери <...> его же государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии праведною молитвою ко всещедрому богу и его царским счастьем царство Сибирское взяша»²³. Подобная же формулировка вошла в делопроизводственный язык XVII в. Сообщения о военных успехах сибирских служилых людей чаще всего предварялись устойчивым штампом: «божиею милостью и великого государя <...> счастьем побили...»²⁴.

Таким образом, церковными интеллектуалами XVII в. присоединение Сибири осмысливалось в рамках идей богоизбранности и мессианской роли Руси как оплота истинной веры – христианства-православия. Эти идеи (чаще всего в редуцированном виде) воспринимались и тиражировались некоторыми сибирскими администраторами²⁵.

Мессианская роль России персонифицировалась в монархе: православный царь, будучи «наместником бога на земле» и «исполнителем» его воли, обязан был не только защищать православие, но и увеличивать его территориальные пределы. Установки на территориальную экспансию (с целью распространения православия), хотя и не часто, но все же провозглашались публично. В 1550-х гг. в послании Ивану IV, составленном священником Сильвестром либо митрополитом Макарием, прямо высказывалась мысль о необходимости православного царя подчинять себе других правителей и расширять свои территориальные владения: «Обладаешь от моря и до моря, и от рек до конец вселенныя – твоя, и поклонятца тебе все царие земстии и вси языцы поработают тебе»²⁶. В грамоте, извещавшей об избрании царем Михаила Федоровича Романова (1613 г.), также присутствует пожелание расширять (опять же, в соответствии с божественной волей) пределы Российского царства: «его б Царское пресветлое имя предо всеми великими Государи славно было к очищенью, и к разширенью и к прибавленью великих его государств, якоже весть святая Его воля»²⁷. Аналогичные установки находили отражение в чинах «постав-

²⁰ Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 172.

²¹ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 51.

²² Там же. С. 69. См. также: Там же. С. 42, 48, 50, 71, 73, 82, 109, 116, 127, 137, 261; Летописи сибирские. С. 108.

²³ Сравнение этой формулировки в разных списках летописей см.: Ромодановская Е.К. Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 40–41.

²⁴ Цит. по РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 715. Л. 35. См. также: СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. № 17. Л. 66 об. – 67 об.; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 417–418; 458.

²⁵ См., например: Сборник документов по истории Бурятии (далее – СДИБ). С. 207; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 346.

²⁶ Голохвастов Д.П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 1. С. 69.

²⁷ СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 632.

ления/венчания на царство» Федора Алексеевича (1676 г.)²⁸ и Петра и Иоанна Алексеевичей (1682 г.)²⁹.

С уровня религиозно-политической риторики идея экспансии опускалась в сферу реальной административной политики. Установка на санкционированную монархом территориальную экспансию неизменно присутствовала в наказах и грамотах конца XVI – начала XVIII в., адресованных сибирским воеводам. Им предписывалось отправлять служилых людей в «новые земли» и приводить проживавшие на них народы «под государеву царскую руку»³⁰.

Политико-религиозные идейные установки сибирских служилых людей проявлялись в ходе межкультурной коммуникации с азиатскими правителями. Объясняя позицию российского монарха, переговорщики с русской стороны неизменно подчеркивали, что русский царь подчинил многих царей и князей и стал полноправным обладателем их царств, земель и государств³¹. Эта, казалось бы, сугубо прагматическая аргументация хорошо сочеталась с православным мировоззрением, в котором русский царь являлся наместником бога и верховным земным владыкой, а значит – единственным богоизбранным легитимным правителем в мире. К идее верховенства (превосходства) российского монарха по отношению к другим правителям, обусловленном его богоизбранностью, иногда апеллировали и в посольской практике. Например, в 1638 г. служилый человек В. Старков произнес перед правителем монголов-хотойготов алтын-ханом Омбо Эрдени следующую речь, не лишённую эмоций: «а на земли кто есть иной царь, кроме великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси? Бог на небе, а он, государь царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Руси самодержец, один на земли богом венчанный и богом дарованный царь и государь надо всеми цари и короли, и нет иного царя»³².

Утверждение власти царя в Сибири привело к ее включению в Русское православное царство. В идейном плане это означало ее превращение в землю, принадлежащую православным – русским. Идентификации Сибири в качестве части владений русского царя и «продолжения» русской земли способствовала также «русификация» пространства: в Сибири появлялись города и остроги, в которых располагалась русская администрация, основывались русские поселения с православными культовыми сооружениями. Путем описания сибирских территорий и народов, составления карт-чертежей отдельных местностей и всей Сибири русская сторона проводила инвентаризацию подвластного пространства. Постройки военно-административного и культурного назначения, карты-маршруты, размечавшие географическую и этносоциальную топоологию пространств, а также установление территориальных политико-административных (судебных, военных) и фискальных институтов (сбор ясака и пошлин) являлись маркерами русского освоения и присвоения Сибири. В представлениях российских властей и русских людей, пришедших в Сибирь, наличие этих маркеров означало превращение территории в «государеву вотчину».

²⁸ ПСЗРИ. Т. 2. С. 54, 65.

²⁹ Там же. С. 425, 437.

³⁰ См., например, наказы сибирским воеводам: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 217–223; 1842. Т. 4. С. 443–454; Т. 5. С. 429–443; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. 264–275; Т. 3. С. 297–317; 1851. Т. 4. С. 100–120, 153–169; ПСЗРИ. Т. 3. С. 235–254, 551–595; Т. 4. С. 108–110; КИМГЯ. Л., 1936. С. 72–86.

³¹ См., например: СДИБ. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 116; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 259, 360.

³² РМО. 1636–1654. С. 109. См. также схожую аргументацию в речах сибирских служилых людей, которые в XVII в. вели переговоры с монгольскими ханами: РМО. 1607–1636. С. 63; РМО. 1636–1654. С. 46, 99; РМО. 1654–1685. С. 39, 42, 65; СДИБ. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 116, 279.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что российская власть предлагала правителям иностранных государств (первая группа адресатов), сибирским иноземцам (вторая группа) и русским людям (третья группа) разный (но не принципиально) набор политико-идеологических и правовых аргументов, легитимирующих власть российского монарха (и Российского государства) над Сибирью и ее народами.

Для каждой группы конструировалась своя логика «доказательств», которые транслировались в разных жанрах и с помощью разных инструментов. При этом, однако, анализ источников позволяет выявить устойчивую воспроизводимость набора основных (базовых) аргументов легитимации:

– Сибирь принадлежит российскому монарху в соответствии с «божьем замыслом» по расширению Русского православного царства и власти «настоящего царя царей» (аргумент транслировался русским людям и частично – иноземцам);

– Сибирь и ее народы длительное время находятся под властью российского монарха (аргумент транслировался всем адресатам);

– Сибирь населена русскими (православными) людьми, в ней располагаются русские поселения, все ее территории и народы управляются русской администрацией, она является русской землей (аргумент транслировался русским людям и правителям иностранных государств);

– сибирские народы дали и подтверждают свое согласие (выраженное через уплату налога, принесение и подтверждение шерти-присяги) быть вечными подданными («холопами») российского монарха, который соблаговолил принять и держать их в своем подданстве (аргумент транслировался всем адресатам и создавал иллюзию добровольного признания иноземцами власти царя);

– Сибирь – вотчина российского монарха, этот аргумент рождался из синтеза всех предыдущих, а также из представлений русских людей XVII в. о слиянии в прерогативах царя прав правителя (*imperium*) и прав собственника (*dominium*), о государстве как собственности царя / великого государя (аргумент транслировался всем адресатам).

Поступила в редакцию / Submitted: 18.01.2021

References

- Avdeev, A.G. “Titulatura Ivana III v latinskoi i russkoi nadpisiakh na Spasskoi bashne Moskovskogo Kremlya.” In *Voprosy epigrafiki*, vol. 1 Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2006: 25–35 (in Russian).
- Barakhovich, P.N. “The instruction (‘Nakaz’) of tsar Mikhail Fyodorovich to the yeniseisk voivode Zh.V. Kondyrev, January 31, 1631.” *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 17, no. 1: History (2018): 91–103 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-1-91-103
- Belokurov, S.A. *Snosheniia Rossii s Kavkazom*, vol. 1. Moscow: University typography Publ., 1889 (in Russian).
- Berezhkov, M. *Krymskie shertnye gramoty*. Kiev: G.T. Korchak-Novitsky Publ. 1894 (in Russian).
- Filyushkin, A.I. *Izobretaiia pervuiu voynu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2013 (in Russian).
- Golokhvastov, D.P., “Leonid, arkhimandrit. Blagoveshchenskii ierei Sil'vestr i egopisaniya.” In *Chteniia v Obschestve istorii i drevnostei rossiiskikh*, vol. 1. Moscow: University typography Publ., 1874: 1–100 (in Russian).
- Ignatkin, P.S. “The official image of Siberia in Moscow State of the end of the 16th – early 17th century.” *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 12, no. 1: History (2013): 99–103 (in Russian).
- Ivanov, V.N. *Vkhozhdienie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1999 (in Russian).

- Kashtanov, S.M. “Sibirskii komponent v titulature moskovskikh gosudarei XVI–XVII vv.” In *Obshchestvennoe soznanie naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX vv.* Novosibirsk: Publishing House SB RAS Publ., 2006: 3–21 (in Russian).
- Kivelson, V. “Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom.” *The Journal of Modern History* 74, no. 3 (2002): 465–489.
- Miller, G.F. *Istoriya Sibiri*, vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999 (in Russian).
- Miller, G.F. *Istoriya Sibiri*, vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2000 (in Russian).
- Miller, G.F. *Istoriya Sibiri*, vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2005 (in Russian).
- Myasnikov, S.A. “Legitimation and justification of policy: analysis of conceptual distinctions.” *Political science (RU)*, no. 3 (2019): 222–235 (in Russian). DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>
- Pchelov, E.V. “The territorial title of the Russian sovereigns: the structure and principles of construction.” *Russian History*, no. 1 (2010): 3–15 (in Russian).
- Preobrazhenskii, A.A. *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka*. Moscow: Nauka Publ., 1972 (in Russian).
- Romodanovskaya, E.K. “Pogodinskii letopisets (K voprosu o nachale sibirskogo letopisaniya).” In *Sibirskoe istochnikovedenie i arkheografiya*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, pp. 18–58 (in Russian).
- Ryabinina, E.A. “Vneshniaia politika Kuchuma-khana v 1582–1598 gg.” In *Istoriia, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tiurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri*, 90–95. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2011 (in Russian).
- Slugina V.A., Konev A.Yu. “ ‘Granted word’ as a part of the instructions to Siberian governors: to the issue of genesis and evolution.” In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkheografii: K 90-letiyu N.N. Pokrovskogo*. Novosibirsk: Institute of History SB RAS Publ., 2020: 183–193 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. *Sibirskii yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2012 (in Russian).
- Vershinin, E.V. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek)*. Ekaterinburg: Developing education Publ., 1998 (in Russian).
- Zuev, A.S., and Slugina V.A. “Annalistic Accounts on Siberian Peoples’ Shert (Fealty to the Tsar) during Ermak’s March and the Historical Realities.” *Russian History*, no. 3 (2015): 30–44 (in Russian).
- Zuev, A.S., Ignatkin, P.S., and Slugina, V.A. *Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiia narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v.* Novosibirsk: IPTS NSU Publ., 2017 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Зуев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, директор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Andrey S. Zuev, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the Department of Russian History, Director of the Institute for Humanities, Novosibirsk State University.

Слугина Виктория Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН; ассистент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Viktoriya A. Slugina, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in History], Research Scientist of the Sector of Archeography and Source Study, Institute of History SB RAS; Assistant of the Russian History Department, Institute for Humanities, Novosibirsk State University.